

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Emily McIntire
Hooked (Never After Series)

*Печатается с разрешения литературных агентств
Brower Literary & Management, Inc., и Andrew Nurnberg.*

Дизайн обложки Юлии Данилиной

Макинтайр, Эмили.
М15 На крючке : [роман] / Эмили Макинтайр; пер. с англ.
О. Захватовой — Москва: Издательство АСТ, 2025. —
352 с. — (LAV. Темный роман).

ISBN 978-5-17-170782-8

ISBN 978-5-17-165866-3

У Джеймса всегда была одна цель: уничтожить своего врага Питера Майклса. Когда двадцатилетняя дочь Питера Венди появляется в баре Джеймса, он понимает, как можно это сделать. Соблазнить девушку и использовать ее для своей мести. План кажется идеальным до тех пор, пока дела в организации Джеймса не начинают рушиться. Приходится искать предателя, и постепенно Джеймс понимает: Венди может сыграть более важную роль в его игре.

Большую часть жизни Венди провела в затворничестве со своим богатым холодным отцом, но спонтанная вечеринка с друзьями ведет к роману с мрачным Джеймсом. Венди знает, что он опасен, но не в силах противостоять влечению к нему. Страсти накаляются, и их связь становится все сильнее. Девушка все больше погружается в реальный жестокий мир парня, и задумывается, в кого влюбилась: в простого человека по имени Джеймс или в монстра, известного как Крюк.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2021, 2022. HOOKED by Emily
McIntire the moral rights of the author have
been asserted

© О. Захватова, перевод на русский язык
В оформлении макета использованы мате-
риалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-170782-8

ISBN 978-5-17-165866-3

ПЛЕЙЛИСТ

Lost Boy — Ruth B
Control — Halsey
Heathens — Twenty One Pilots
Bad Romance — Lady Gaga
Bury a Friend — Billie Eilish
Blood // Water — Grandson
In the Shadows — Amy Stroup
Look What You Made Me Do — Taylor Swift
Ocean Eyes — Billie Eilish
Lifetime — Justin Bieber

*Посвящается всем,
кому довелось побывать злодеем
в истории чьей-то жизни.*

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

«На крючке» — это книга в современном жанре темной романтики, сказка для взрослых.

Это не фэнтези и не пересказ.

Главный герой романа — злодей. Если вы ищете книгу без сцен жестокости, с искуплением грехов и превращением плохого парня в героя, советую рассмотреть другой вариант.

«На крючке» содержит откровенные сексуальные сцены и другой контент, неприемлемый для некоторых категорий читателей. Настоятельно рекомендую проявлять бдительность.

Мой совет — не прибегать к тизерам, но если вам интересно узнать некоторые детали, тогда переходите на сайт EmilyMcIntire.com.

*«В жизни можно получить
все что угодно, если ради этого
пожертвовать всем остальным».*

— Дж. М. Барри, Питер Пэн.

ПРОЛОГ

Давным-давно...

Я думал, что получу иные ощущения.

От процесса его убийства.

Крепко сжав кулак, я поворачиваю запястье. Кровь хлещет из его шеи, заливая мое предплечье, но я испытываю лишь удовлетворение от того, что решился вонзить клинок в его сонную артерию. Он умрет, обязательно умрет, но уходить будет медленно, дав мне насладиться этим зрелищем — как утекает каждая последняя секунда его жалкой жизни, забирая с собой его убогую душу.

Я знал, что он быстро отключится, но это и хорошо.

Этих секунд более чем достаточно.

Достаточно, чтобы он заглянул мне в глаза и понял, что этот монстр во мне — отчасти его произведение. Живое воплощение его грехов, воскресшее, чтобы сеять справедливость.

Но все-таки я надеялся, что он станет меня умолять. Хотя бы немного.

Кайф от кровопролития постепенно проходит, а я так и стою, нависнув над ним и обхватив мозолистой ладонью его шею. В другой руке я крепко держу ножны, как будто ожидаю чего-то. Только ожидание напрасно, потому что в ответ я получаю лишь холод остывающей крови на коже и осознание, что покой мне принесет вовсе не его смерть.

К реальности меня возвращает вибрация телефона в кармане — наконец я отпускаю обмякшее тело.

— Приветствую, Руфус.

— Сколько раз я должен повторять, чтобы ты не называл меня Руфусом? — срывается он.

— Думаю, еще разок, — усмехаюсь я.

— Ты закончил?

Пройдя через кабинет в ванную комнату, я открываю кран, жду, когда вода станет теплой, включаю громкую связь и начинаю смывать брызги крови с рук.

— Конечно.

— И как? — Ру хмыкает. — Стало легче?

Держась за край раковины, я наклоняюсь к зеркалу, чтобы получше рассмотреть свое отражение.

Легче ли мне?

Сердце бьется ровно. Не бурлит в жилах огонь. И никакая сила не рвется наружу.

— Боюсь, ожидания не оправдались, — схватив полотенце с крючка, я вытираюсь и возвращаюсь в кабинет за костюмом.

— Неудивительно. Ты ведь Джеймс Барри, самый трудный ребенок во всей, сука, вселенной. Тебе невозможно угодить.

Я ухмыляюсь, застегивая пиджак, поправляю манжеты и возвращаюсь к телу дяди. Смотрю на черные глаза, безучастно сверлящие потолок, на открытый, расслабленный рот: точно такой же, какой он всегда требовал от меня.

Забавно.

Впрочем, мою невинность украли задолго до него.

Я отпихиваю ногу моего дяди с дороги — уродские ботинки из крокодиловой кожи плюхаются в лужу крови, скопившуюся под его телом.

Со вздохом потираю переносицу.

— Я тут... немного наследил.

— Об этом не беспокойся, — смеется Ру. — Выдохни, парень. Ты хорошо справился. Встретимся в «Веселом Роджере»? Нужно отпраздновать это дело.

Я отключаюсь, ничего не ответив, и погружаюсь в раздумья: это ведь последний раз, когда я вижу своего родственника. Закрыв глаза, я глубоко вздыхаю, пытаюсь отыскать в душе хоть каплю сожаления.

Но и ее там нет.

Тик.

Тик.

Тик.

Звук прорывается сквозь тишину, царапая нутро. Нервно скрежеща зубами, я распахиваю глаза и напрягаю уши в поисках непрерывного звука. Приседаю, достаю платок из нагрудного кармана, лезу в джинсы дяди и достаю оттуда золотые карманные часы.

Тик.

Тик.

Тик.

Ярость, точно змея, вцепляется в меня мертвой хваткой. Я швыряю часы на пол и с колотящимся сердцем бью ногой по этой убогой вещице, пока пот не выступит на лбу и не стекает по щеке на пол. И останавливаюсь я только тогда, когда тишину больше не смеет потревожить ни один посторонний звук.

Выпрямившись, я тяжело выдыхаю, зачесываю пальцами волосы и разминаю шею.

Вот. Так-то лучше.

— Прощай, дядюшка.

Затолкав платок обратно в карман, я ухожу от человека, которого хотел бы никогда не знать.

Теперь я на шаг ближе к тому, кто несет ответственность абсолютно за все. И на этот раз улететь ему не удастся.

ГЛАВА 1

ВЕНДИ

В Массачусетсе я никогда не была, но слышала, что жары здесь не бывает. Меня, конечно, поразила такая разница температур, но, с другой стороны, иллюзиями по поводу теплой погоды я себя и не тешила. Между тем, стоя на ветру в одной майке и дрожа от холода, я поневоле жалею, что не осталась во Флориде, а поехала с семьей в новый дом в Блумсберге.

Но какой у меня был выбор? Я ведь жить не смогу, находясь в такой дали от родных. Отец у меня и без того трудоголик, а после смерти матери вообще с головой ушел в работу. Получается, что Джонатан, мой шестнадцатилетний брат, остался бы один.

Я всегда была папиной дочкой, пусть порой с ним и нелегко. Я надеялась, что после переезда он все-таки сбавит обороты, будет больше времени уделять семье, а не постоянно искать очередной перспективный проект, в который вцепится зубами. Но нет, Питер Майклз никогда не успокоится: его жажда новых начинаний преобладает над стремлением к семейным ценностям. Пятый год подряд его называют лучшим бизнесменом по версии Форбс, а это значит, что перед ним открыты большие возможности. Да и средств на их реализацию у него тоже хватает, особенно если учесть, что он владеет крупнейшей авиакомпанией в западном полушарии.

NevAirLand¹. С вас — мечта, с нас — транспорт.

— Сходим куда-нибудь вечером? — спрашивает моя подруга Энджи, вытирая столы в «Ванильном стручке», кофейне, где мы обе работаем.

— Куда? — протягиваю я. Честно говоря, я надеялась пойти домой и отдохнуть. Я живу в этом городе чуть больше месяца и так много работаю, что еще ни разу не провела вечер с Джонатаном. С другой стороны, сейчас у брата такой период в жизни, когда ему никто не нужен, так что, возможно, он меня и не ждет.

Энджи пожимает плечами.

— Не знаю. Слышала, что девочки собирались в «Веселого Роджера».

Я морщю нос — и от того, что она сказала «девочки», и от названия заведения.

— Да ладно, Венди. Ты в городе уже почти два месяца, но ни разу со мной никуда не ходила, — выпятив нижнюю губу, она складывает руки в просьбе.

— Мне кажется... — я вздыхаю, качая головой. — Я не очень нравлюсь твоим друзьям.

— Неправда, — настаивает она. — Они просто тебя не знают. А чтобы познакомиться, тебе нужно с нами погулять.

— Не знаю, Энджи, — я впииваюсь зубами в нижнюю губу. — Мой отец сейчас не в городе, а ему очень не нравится, когда я куда-то хожу и привлекаю внимание.

— Тебе двадцать, девочка. Обрежь уже пуповину, — подруга закатывает глаза.

Я нерешительно улыбаюсь. Она, как и большинство людей, не может понять, каково это — быть дочерью Питера Майклза. Даже если бы я захотела, пуповину не перерезать. Его власть и влияние достигают каждого

¹ Отсылка к Neverland (Нетландия) — вымышленное место, где происходит действие произведений Джеймса Барри о Питере Пэне.

уголка вселенной — ничто и никто не выйдет из-под его контроля. А если такие счастливики и есть, то я их никогда не встречала.

Колокольчик над входной дверью извещает о приходе Марии, подруги Энджи. Ее длинные черные волосы сияют в свете верхней лампы, пока она направляется в нашу сторону.

С поднятыми от удивления бровями я смотрю на девушку, а потом снова возвращаю внимание к Энджи:

— Да и что это за место, куда пускают двадцатилетних?

— А у тебя разве нет поддельного удостоверения? — удивляется Мария, подходя к стойке.

— Конечно нет! Я никогда в жизни не пыталась проникнуть в бар или клуб. У меня скоро день рождения, пойду в следующий раз, — пытаюсь отвязаться я.

Мария осматривает меня сверху донизу.

— Энджи, у тебя нет с собой документов сестры? Твоя подружка на нее чем-то... похожа, — она прикасается рукой к моим каштановым волосам. — Расслабься, покажи немного тела, и они даже не посмотрят на фотографию в удостоверении.

Я вроде и смеюсь, пытаюсь не заострять внимание на ее словах, но внутри все равно что-то екает, а тепло разливается по венам, воспаляя щеки. Я ведь не нарушаю правил. И никогда не нарушала. Но одна мысль о непослушании, о том, чтобы сделать что-то плохое, невольно меня будоражит.

Мария — одна из «девочек», и она далеко не самая любезная персона. Но когда я смотрю на ее хитрую улыбку, на то, как она запускает руки в волосы, я начинаю думать, что, может быть, Энджи права. Возможно, я сама себя ограничиваю и отказываюсь дать ей хотя бы один шанс. У меня ведь никогда не было близких друзей — я понятия не имею, как это все устроено.

— Мне плевать, хочешь ты или нет, — дуется Энджи, бросая в меня влажную тряпку. — Здесь я принимаю решение.

Я смеюсь, качая головой, и заканчиваю с расстановкой чашек к следующему рабочему утру.

— Хм, — Мария надувает пузырь из жвачки, и тот громко лопается. Ее темные глаза сверлят мою щеку. — Идти не хочешь?

— Не в этом дело, просто... — я пожимаю плечами.

— Ладно, наверное, это к лучшему, — перебивает она. — «ВР», похоже, не для тебя.

Ее слова меня задевают.

— В каком смысле? — я расправляю плечи.

— В том... — Мария ухмыляется. — Что это заведение не для детей.

— Мария, хватит уже. Ведешь себя как сучка, — вклинивается Энджи.

— Я не сучка, — та смеется. — Я просто размышляю. А вдруг придет он? Как ты себе это представляешь? Да она в штаны от страха наложит, оказавшись с ним под одной крышей, и побежит домой папочке рассказывать.

— Моего отца нет в городе, — я вздергиваю подбородок.

— Значит, няне, — Мария задирает голову, поджав губы.

Вспыхнувшее во мне раздражение подталкивает меня доказать неправоту Марии и принять окончательное решение. Я смотрю на Энджи, и слова сами слетают с языка:

— Я в деле.

— Ура! — она хлопает в ладоши.

— Надеюсь, у тебя хватит смелости, — глаза Марии сверкнули.

— Мария, уймись. Все будет нормально. Это ведь бар, а не секс-клуб, — насмехается Энджи, после чего поворачивается в мою сторону. — Не слушай ее, Венди.

Да и вообще, мы идем туда лишь для того, чтобы она попыталась привлечь внимание своего таинственного мужчины.

— И привлеку.

— Да-а, — Энджи склоняет голову набок. — Он даже не знает о твоём существовании, милочка.

— Когда-то мне должно повезти, — Мария пожимает плечами.

— Эй! — в полной растерянности я вскидываю брови. — О ком вы вообще говорите?

По лицу Марии расплзается улыбка. Тем временем глаза Энджи наполняются тоской.

— О Крюке.

ГЛАВА 2

ДЖЕЙМС

— Нам поступило новое предложение.

Налив двойную порцию виски Basil Hayden в хрустальный стакан, я добавляю туда кубик льда и смакую, прежде чем повернуться к Ру.

— Не знал, что мы беремся за новые дела.

Пожав плечами, он прикуривает сигару и выпускает в воздух клуб дыма.

— Верно. Но я бизнесмен, а на горизонте замаячила кругленькая сумма.

Из-за сигары он говорит невнятно, но мне, человеку, который годами впитывал его слова как Евангелие, понять эти речи несложно.

Руфус — известный миру как Ру — единственный человек в моей жизни, достойный доверия. Он спас меня от ада, за что я всегда буду в долгу. Моя благосклонность, однако, распространяется исключительно на него, что крайне осложняет ситуацию, когда он решает взять в дело новых людей.

С возрастом Руфус стал безрассудным.

— Знаешь, чем однажды закончится твое неумение отказываться от прибыли? Тебя грохнут, — говорю я ему.

— Я, знаешь ли... — тот щурится. — Не намерен умирать и оставлять наследство британцу.

Я ухмыляюсь. Его наследство — мое, просто он не хочет говорить об этом вслух. Не хочет признавать, что ученик превзошел мастера; что он держит бразды правления только потому, что я ему позволяю. Власть он потерял еще восемь лет назад, когда в день моего восемнадцатилетия от моей руки пролилась кровь моего дяди. Я выпотрошил его, как никчемную рыбу, а потом тем же ножом резал стейк за ужином — с таким видом, что никто даже не усомнился, почему мои пальцы окрашены в красный.

Ру, может, и носит титул босса, но все они боятся только меня.

Поставив стакан на край стола, я сажусь в кресло с подголовником.

— Твоя смертность — не самая любимая тема для шуток.

Порой мне действительно кажется, что Ру считает себя неприкасаемым. Эта черта делает его небрежным: он слишком быстро начинает доверять людям и подпускать их к себе. Но, к счастью, у него есть я. А я всажу лезвие в живот любому, кто попытается что-то сделать, а после буду наслаждаться остатками жизни, вытекающими из его глаз, и видом крови, капающей мне на руки.

Пожалуй, пройдя столько испытаний, сколько выпало на мою долю, начинаешь быстро понимать, что бессмертие можно обрести только в воспоминаниях людей.

Ру наклоняется, оставив сигару в богато украшенной пепельнице на углу стола.

— Тогда слушай внимательно. Кое-кто заинтересован в партнерстве с нами, — Ру усмехается. — Хочет расширить охват нашей деятельности, распространить волшебную пыльцу в новые уголки вселенной.

— Как мило, — я смахиваю пылинки с пиджака. — И кто же это?

Я говорю лишь для того, чтобы его успокоить. Вот кто меня вообще не заботит, так это новые партнеры. С нынешним торговцем мы работаем уже три года, и я лично

его проверил. Я видел, как он потел до трусов, наблюдая за погрузкой в самолет пикси-пыли, спрятанной в ящиках с омарами. Весь полет сидел рядом с ним в кабине пилота и вертел в пальцах лезвие крюка, пока он мочился от нервов.

Если ты хочешь заручиться чьей-то преданностью, важно убедиться, что человек понимает, почему ты ее заслуживаешь, и осознает, что лезвие ножа ранит гораздо сильнее, когда владеющий им человек получает удовольствие от причинения боли.

— Слышал о самолетах NevAirLand? — Ру вытирает рот рукой.

Я застываю на месте. Кровь стынет в жилах: я совершенно уверен, что никогда не упоминал это название, особенно в присутствии Ру.

— Что-то не припоминаю, — у меня подрагивает челюсть.

— Значит, ты единственный, кто не слышал, — смеется Ру. — Владелец, Питер Майклз, только что переехал в город.

Сердце колотится о ребра. Как эта информация просочилась мимо меня?

— Правда?

Ру кивает.

— Он ищет новых приключений, — Ру улыбается, оголяя слегка кривые зубы. — Будет справедливо, если мы его поприветствуем, дадим ему знать, как здесь все устроено.

От ярости, которая вспыхивает во мне всякий раз при упоминании Питера Майклза, у меня дрожат руки. В груди растет предвкушение — я тянусь за виски и крепко сжимаю в пальцах хрустальный стакан.

Вот так удача: человек, которого я мечтаю убить, преподносит себя на серебряном блюде.

— Что ж, думаю, это прекрасная возможность, — улыбаюсь я.